

ВОРОНЕЦ Н. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВОРОНЕЦ Григорий Мартинианович, родился в 1866. Получил военное образование, служил специалистом по коневодству и конезаводству, к 1917 — офицер царской армии в чине генерал-майора, с 1918 — служил в РККА в Главном управлении по ремонту армии конским составом при Реввоенсовете в категории высшего комсостава.

ВОРОНЕЦ Наталья Петровна, родилась в 1860-х. Вышла замуж за офицера царской армии, Григория Мартиниановича Воронца, занималась домашним хозяйством и воспитанием дочери и сына.

В 1920-х — проживали на хуторе Колодези селе Смоленской области. Осенью 1924 — арестованы, 17 октября 1924 — приговорены к 3 годам ссылки. Муж был отправлен по этапу и прибыл в Великий Устюг в январе 1925. Жене дали две недели для ликвидации имущества, после чего она должна была выехать в ссылку за свой счет.

В августе 1925 — Наталья Петровна Воронец обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<24 августа 1925>

«Председательнице Комитета Помощи
политически высланным гражданами Пешковой.

Административно высланной
в городе Великом Устюге
Северо-Двинской области
Натальи Петровны Воронец

Заявление

Согласно постановления Московского ОГПУ от 17 октября 1924 года, я выслана по 73 статье УПК в город Великий Устюг Северо-Двинской губернии. Прибыв сюда около 20-го мая сего года, я до сего времени не имею ни службы, ни работы. До сего времени я не обращалась в Комитет за помощью, думая, что мне будут выдавать пособие из Северо-Двинского ГПУ, но оказалось, мне не только не выдают никакого пособия, несмотря на то, что я выслана по 73 статье УПК как социально опасный элемент, но, наоборот, согласно распоряжения московского ОГПУ, меня лишили пособия, как состоящую на особом учете бывших помещиков, согласно объявления Северо-Двинского ГПУ. Выходит, что бывшие помещики есть не хотят и обречены здесь на голодную смерть, так как в службе мне отказывают всюду, и работы, ввиду безработицы, нет. В силу вышеизложенного прошу Вас, гражданка председательница, войти в мое безвыходное и тяжелое положение и ходатайствовать перед Московским ОГПУ выдать мне пособие с 24 мая сего года и выдавать ежемесячно, как и другим высланным по 73 статье. В случае же отказа прошу Вас помочь мне и прислать денежное вспомоществование. Зима приближается, я здесь без зимней одежды, и от истощения ноги мои покрылись язвами и нарывами.

Ссылная Наталия Петровна Воронец.

24/VIII-1925.

Адрес:

город Великий Устюг

Северо-Двинской губернии

Курочкинская ул., д. 3.

Н. П. Воронец»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 66. С.176. Автограф.

В октябре 1925 — Наталья Петровна вновь обратилась за помощью к Е.П. Пешковой.

<25 октября 1925>

«Гражданке Председательнице Комитета
Помощи Политически Высланным

Административно высланной
по 73 ст<атье> УК
Воронец Натальи Петровны

Заявление

Согласно постановления Московского ОГПУ от 17 октября прошлого года моего мужа и меня выслали из Смоленской губ<ернии> в Северо-Двинскую губ<ернию> г<ород> Великий Устюг. Муж был направлен из Смоленска этапом и прибыл в Великий Устюг 7-го января с<его> г<ода>, я же была оставлена дома в хуторе Колодези. 11-го апреля я получила от Елининского Уполномоченного Смоленского ГПУ бумагу, где мне давалось две недели срока для ликвидации имущества с тем, что к 25 апреля с<его> г<ода> я должна выехать в г<ород> Великий Устюг за собственный счет, а в случае не выезда, меня отправят этапом. Ввиду короткого срока ликвидации имущества, я не могла хлопотать, и все имущество было распродано за бесценок уполномоченным Павлиновской многолавки Ельнинского уезда тов<арищем> Хохловым. Долг мужа многолавке в сумме 300 р<ублей> (180 р<ублей> основного долга и 120 р<ублей> начислили процентов к моменту наложения ареста на имущество приблизительно к 14 апреля 1925 г<ода>, долг же был сделан в феврале месяце 1924 г<ода>). Дом 2-х этажный, сарай, амбар и погреб уполномоченным Павлинской многолавки были оставлены за многолавкой, а обстановка и домашнее имущество было распродано. Фактически я потеряла все и принуждена была быстро ехать к месту назначения, чтобы не быть отправленной этапом. Следовательно, я выехала не по своей воле, а была выслана, как политический элемент. Прибыла в г<ород> Великий Устюг в мае месяце и по прошествии месяца я обратилась в Северо-Двинское ГПУ о выдаче мне пособия. ГПУ ответило, что мне не полагается, т<ак> к<ак> я, согласно распоряжения Московского ОГПУ, состою на особом учете помещиков, и мне не полагается пособия. То же самое и моему мужу, на этом же основании была прекращена выдача пособия, но ему опять стали выдавать, благодаря Вашему ходатайству. Так он получил 25 р<ублей> на зимнее обмундирование. Мне же не только не дали 25 р<ублей> на зимнее обмундирование, но и отказали в пособии. Муж же на выданные 25 р<ублей> себя и меня одеть не может, а также и содержать меня на свои 5 р<ублей> в месяц. Я не имею никакой службы и работы, т<ак> к<ак> всюду, как только узнают, что политически высланная и не состоящая в союзе, не принимают на службу. В силу этого, я потеряла все имущество и, не имея средств существованию, принуждена голодать и замерзать, будучи совсем больным человеком, страдая миокардом и отеками ног. Если меня не считают политически высланной, то зачем меня направили сюда. Я приехала сюда не по своей воле, а меня силой заставили выехать, а потому и должны выдавать пособие. В силу всего вышеизложенного, обращаюсь к Вам, гражданка председательница, и прошу ходатайствовать перед Московским ОГПУ о распоряжении Северо-Двинскому ГПУ выдать мне следуемые мне по праву, как политически высланной по ст<атье> 73, 25 р<ублей> на зимнее обмундирование и пособие ежемесячное, начиная с мая месяца и по сие время.

Гражданка Наталия Петровна Воронец.
25/X-1925.
Адрес: г<ород> Великий Устюг
Северо-Двинской губ<ернии>.
Городище, д. № 3»².

На письме — помета секретаря ПКК:
«Запр<осить> Ф. 16/XI-25 г<ода>».

По ходатайству Помполита Григорий Мартинианович Воронец с женой был из ссылки досрочно освобожден. Поселился в Ленинграде, читал лекции в институте, в 1929 — вышел на пенсию. В 1930 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Мариинский лагерь. В августе 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Вера Сергеевна Воронец.

«6-го Ав<густа> 1931 г<ода>.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с глубокой просьбой о помощи по делу моего мужа Григория Мартиниановича Воронец. Согласно Вашему извещению за № 8221 от 6/VII 1931 г<ода> постановлением Коллегии ОГПУ он выслан на 5 лет в Мариинск Томский с заключением в концлагерь на 5 лет. В данный момент он переведен в Новосибирск для использования по специальности. Вся свою жизнь муж мой с глубокой любовью и добросовестностью посвящал своей службе, что могли бы подтвердить все тов<арищи>, под начальством кого он служил. Его возраст и состояние здоровья (миокардит, склероз, грудная жаба) внушают мне серьезные опасения, что он не перенесет ссылки, а потому прошу Вас не отказать в ходатайстве о его досрочном возвращении, дабы он мог свою жизнь дожить в семье, принося в лучших условиях жизни пользу стране как спец<иалист> своего дела.

С глубоким уважением
Остаюсь готова к услугам Вашим В. Воронец.

Ленинград, Вас<ильевский> Ост<ров>, 3 линия, д<ом> 46, кв. 10.

Прилагается заявление в Особое Совещание при ОГПУ. Прошу не отказать передать по назначению»³.

На письме — помета заведующего юридическим отделом Помполита: «Т<ак> к<ак> приговор уже смягчен, в пересмотре дела отказано».

16 сентября 1931 — жена Вера Сергеевна Воронец вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«16-го Сент<ября>.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Снова беспокою Вас просьбой по делу моего мужа Воронец Григория Мартиниановича. Этот месяц он был в командировке по своей специальности в районе Рузаевки, но командировка кончается, и этим днем он снова должен вернуться в тяжелые лагерные условия, если не случится надобности в его работе по специальности (коннозаводство).

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 66. С. 179. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 760. С. 112. Автограф.

Твердо уверенная в ошибочном заключении по его делу, т<ак> к<ак> все постигшее его совершенно не вяжется с той преданностью делу, которому он всю свою жизнь отдавал все силы и энергию, а последнее время читал лекции, стремился передать свои знания молодежи — будущим работникам в области коннозаводства и этим мог принести только одну пользу. Умоляю Вас принять участие в постигшем нас горе. В 65 лет старику с больным сердцем и ревматизмом опасно пребывание в концлагере в суровых климатических условиях, при тяжелых нравственных переживаниях, совершенно оторванному от семьи, одинокому, накануне конца своей жизни.

Остаюсь в полной надежде на Вас.

Уважающая Вас В. Воронец

Ленинград, Вас<ильевский> Ост<ров>, 3 л<иния>, д<ом> 46 кв. 10.
Вере Сергеевне Воронец»⁴.

Осенью 1931 — Григорий Мартинианович Воронец после пересмотра дела был освобожден из лагеря и отправлен в Новосибирск для работы по специальности. 27 августа 1932 — по ходатайству Помполита разрешено свободное проживание, остался работать в Новосибирске.

В конце августа 1932 — Вера Сергеевна Воронец просила помощи Михаила Львовича Винавера.

«30-го Авг<уста>. № 8221.

Ленинград, Вас<ильевский> Ост<ров>, 3 л<иния>, д<ом> 46, кв. 10.

Многоуважаемый Михаил Львович!

Получила Ваше любезное сообщение от 27 Авг<уста> с разрешением моему мужу Григ<орию> Март<иниановичу> Воронец свободного проживания. Очень Вас благодарю, но прошу не отказать выяснить, мне разрешено ли свободное проживание в том месте, где он находится (г<ород> Новосибирск) или без ограничения, что конечно крайне желательно и даже необходимо при его преклонном возрасте и надорванном здоровье. За последнее время силы у него слабеют, сердце все хуже работает, грудная жаба — дает себя чувствовать, и ему необходим покой в нормальных условиях.

В ожидании ответа остаюсь

Уважающая Вас В. Воронец»⁵.

Григорий Мартинианович Воронец вернулся в Ленинград. В марте 1935 — выслан с женой, дочерью, Кравченко Марией Григорьевной, и ее мужем, Кравченко Михаилом Васильевичем, в Куйбышев на 5 лет. Весной 1936 — дочери отменили высылку с разрешением на возвращение с мужем в Ленинград. В октябре 1936 — к М. Л. Винаверу обратился за помощью знакомый семьи, профессор Евгений Барсуков.

<28 октября 1936>

«Уважаемый Михаил Львович.

Бывший мой сослуживец, Г. М. Воронец, переселившийся по требованию НКВД весной прошлого года из Ленинграда в г<ород> Куйбышев (Самарская ул<ица>, д<ом> 112, кв. 3) , получил уведомление за Вашей подписью, от 21.8. с<его> г<ода> № 9168, что заявление его

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 760. С. 115. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 760. С. 122. Автограф.

Вами передано в НКВД, причем, по полученной справке, там обещано выяснить возможность удовлетворения ходатайства Воронца (о пересмотре дела и отмене высылки), и что пенсия ему, как служившему в Красной армии, должна выплачиваться, "несмотря на административную высылку".

Г. М. Воронец просит меня привести у Вас справки:

1) В каком положении вопрос о нем в НКВД, может ли он надеяться и когда возвратиться с женой в Ленинград в свою семью к сыну и дочери, от которых они — престарелые родители чрезвычайно зависят в материальном отношении, не говоря уже о моральной стороне вынужденной разлуки с детьми;

2) На основании каких именно данных Вы ему сообщили, что "пенсия должна выплачиваться, несмотря на адм<инистративную> высылку", и, если имеются законные основания, то куда и как ему апеллировать, чтобы восстановиться в пенсии.

В августе прошлого года Г. М. Воронец, в ответ на просьбу о восстановлении в пенсии, получил уведомление Пенсионного отдела Управления по начсоставу РККА, что он не имеет "по закону права на получение пенсии на все время отбывания мер социал<ьной> защиты (высылки)". Быть может, за время после получения ответа от Пенсионного отдела РККА вышло какое-либо разъяснение Правительства, дающее право адм<инистративно> высланным на получение пенсии без перерыва? Или, быть может, пенсия снимается лишь по суду, при обвинении по определенным статьям, но не как последствие административных мер, принимаемых по отношению граждан без суда и без предъявления обвинения, как это имело место при высылке из Ленинграда Г. М. Воронца? Если это так, то ссылка на закон, сделанная в ответе Воронцу пенсионным отделом РККА, является не обоснованной.

Будьте добры, очень прошу Вас поручить Вашему секретарю сообщить мне Ваши разъяснения по этим двум вопросам Г. М. Воронца по моему телефону В1-72-06, или ответить ему непосредственно письменно в Куйбышев, или вызвать меня по телефону к Вам на прием, назначив мне день и час, когда я должен буду к Вам явиться.

Позволю себе беспокоить Вас этим письмом вследствие того, что неоднократно мои попытки повидать Вас на приеме в Вашем кабинете оказывались для меня тщетными. Несколько раз я бывал в приемные часы в Вашей канцелярии в сентябре, но Вы оказывались в отъезде. Оправившись после перенесенной мною болезни, я снова был в приемной "Помощи политзаключенным" 22-го и вчера 27-го октября, но опять мне не удалось повидать Вас: я не мог дождаться своей очереди получить пропуск на прием. Мне очень трудно стоять долго в очереди в маленькой переполненной людьми комнатке, да еще не снимая теплого пальто, так как я 70-летний старик, не отличающийся хорошим здоровьем. Кроме того, у меня свободного времени почти не бывает.

Уважающий Вас (подпись) (Евгений Барсуков, профессор и персональный пенсионер СНК и РККА).

28 октября 1936 г<ода>.

Москва,

Софийская набережная, д<ом> 34, кв.96

Тел<ефон> В1-72-06»⁶.

В ноябре 1936 — Григорий Мартинианович Воронец продолжал находиться в Куйбышеве⁷.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1503. С. 84. Машинопись, подпись — автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1559. С. 205.